
ВАЛЕНТИНА САДЫКОВА
КОШМАРЫ ЧЕРНОЛУЧЬЯ

Валентина Садыкова

Кошмары Чернолучья

«Автор»
2026

Садыкова В.

Кошмары Чернолучья / В. Садыкова — «Автор», 2026

Поселок Чернолучье отрезан от большой земли непроходимыми топями и старой бревенчатой гатью. Когда в ноябре подрядчики осушают заброшенный торфяной карьер, из глубины разрытого шурфа поднимается сизый туман, приносящий с собой запах горелой проводки и ледяной ужас.Безликие высокие твари с вывернутыми суставами не охотятся за плотью — они пожирают тепло, свет и электричество, погружая поселок в мертвую темноту. Связь оборвана, техника заглохла, а выход на трассу перекрыт. Приезжему энергетику Егору, старому архивариусу Матвеичу и фельдшерице Людмиле предстоит раскрыть засекреченную тайну геологов 1954 года и прорваться через кишащий кошмарами поселок к дизельной подстанции. Ведь единственный способ пережить эту ночь — дать существам из бездны разряд, который они не смогут переварить.

© Садыкова В., 2026
© Автор, 2026

Валентина Садыкова
Кошмары Чернолучья

Чернолучье не зря так прозвали. Солнце сюда заглядывало словно по ошибке: взойдет над еловыми макушками к полудню, скользнет тусклым бликом по черной, торфяной воде местной речушки и тут же спрячется за тяжелыми свинцовыми тучами. Вокруг — на десятки верст непроходимые топи, корявые сосны да старые, заброшенные торфоразработки, где ржавели остовы довоенных машин.

Люди в поселке жили угрюмые, молчаливые. Привыкли, что на большую землю ведет одна-единственная гать — узкая дорога из почерневших бревен, которую каждую весну размывало так, что даже трактор с прицепом садился по самые оси.

Первые странности начались в ноябре, когда грянули первые заморозки, но снег так и не лег. Земля зазвенела от холода, болота схватились тонкой, колючей коркой льда, а по ночам над торфяниками начал подниматься странный туман — не белый и легкий, как обычно, а густой, сизый, с едким запахом горелой проводки и старой тины.

Первым не вернулся обходчик Семён. Пошел проверять дальнюю насосную станцию у старых карьеров — и сгинул. Нашли только его брезентовую сумку с инструментом да фонарь, валявшийся в мерзлой грязи. Стекло фонаря было вдавлено внутрь, словно на него наступили чем-то тяжелым, а вокруг не осталось ни одного следа — только ровная, блестящая полоса, будто по земле протащили мокрое бревно.

В ту же ночь в поселке пропали все собаки. Не залаяли, не заскулили — просто наутро хозяева нашли пустые ошейники и разорванные цепи. А у бабки Агафьи, жившей на самом краю, у черного ручья, утром на бревенчатой стене избы обнаружили глубокие борозды. Будто кто-то скреб дерево чем-то тупым и невероятно сильным, пытаясь добраться до окна, но не успел до рассвета.

Егор, приехавший в Чернолучье месяц назад чинить старую дизельную подстанцию, в местные байки про леших и болотных хозяев не верил. Ему было тридцать два, за плечами — годы работы на северных вахтах, где единственным врагом был мороз да пьяная дурь. Но на третью ночь после исчезновения Семёна Егор сам услышал этот звук.

Он сидел в вагончике у подстанции, гоняя остывший чай и листая старый журнал учета, когда за тонкой металлической стенкой раздался тихий, ритмичный стук. Тук. Пауза. Тук. Словно кто-то медленно обходил вагончик по кругу, постукивая по железу костяшками пальцев.

Егор замер, прислушиваясь. Дизель за стенкой ровно тарахтел, заглушая ветер, но этот стук пробивался сквозь гул мотора — четкий, холодный, настойчивый.

Парень погасил лампу, взял со стола тяжелый разводной ключ и осторожно приоткрыл узкое окошко, затянутое сеткой.

Снаружи, в тусклом свете одинокого фонаря над воротами, стоял туман. Он клубился у самой земли, обтекая ржавые бочки с соляркой. И прямо посреди двора, в десяти шагах от вагончика, неподвижно замерла фигура.

Сначала Егор решил, что это кто-то из местных мужиков перебрал и забрел на огонек. Человек был высоким, нелепо худым, в длинном, обвисшем плаще, с которого на мерзлую землю капала черная вода. Но когда фигура медленно повернула голову в сторону окна, у Егора перехватило дыхание.

Лица у стоящего не было. Вместо него под намокшим капюшоном белело гладкое, вытянутое пятно — ни глаз, ни рта, только две глубокие вертикальные щели, из которых при каждом выдохе вырывались струйки сизого пара. И руки — слишком длинные, достающие почти до колен, с неестественно вывернутыми в обратную сторону суставами.

Существо не бросилось вперед. Оно просто подняло длинную, узловатую руку и медленно провело пальцами по воздуху, словно повторяя контур окна, за которым прятался Егор. В ту же секунду лампочка на столбе над воротами замигала, жалобно пискнула и лопнула, осыпав двор мелкими стеклянными искрами.

Дизель за стенкой захлебнулся и заглох. Поселок мгновенно погрузился в кромешную, давящую темноту.

Егор отшатнулся от окна, нащупывая в темноте карманный фонарик, но тут снаружи, со стороны поселка, донесся первый крик — долгий, обрывающийся на высокой ноте. А за ним, словно эхо, из глубины черных болот ответил низкий, вибрирующий гул, от которого задрожали стекла в рамах и заныли зубы.

Кошмары Чернолучья, десятилетиями дремавшие на дне затопленных торфяных карьеров, наконец выбрались наружу. И до рассвета оставалось больше десяти часов.

***Темнота после остановки дизеля оказалась плотной, почти осязаемой. Егор просидел на полу вагончика, прижавшись спиной к холодной железной переборке, добрых полчаса, сжимая в побелевших пальцах разводной ключ. Снаружи больше не стучали — только ветер гнал по двору сухой ледяной песок, да где-то в глубине поселка глухо лаяла последняя уцелевшая собака, пока ее лай не оборвался резким, захлебывающимся визгом.Выходить в эту черноту было безумием, но оставаться в тонкостенном металлическом вагончике на отшибе — верной смертью. До центра поселка было метров четыреста по разбитой грунтовке.Егор сунул в карман куртки запасные батарейки, зажал в зубах тяжелый фонарь, но включать его не стал — свет мог привлечь ту длиннорукую тварь, что только что стояла у ворот. Он осторожно приоткрыл дверь, выскользнул наружу и прижался к стене.Туман с болот затянул улицу густой пеленой. Пахло кислым торфом, тиной и чем-то металлическим, как перед сильной грозой. Егор двинулся вдоль забора, стараясь ступать на мерзлую траву, чтобы не хрустеть ледяной коркой в колеях.Поселок словно вымер. Ни в одном окне не горела даже свеча — люди затаились за плотными ставнями. Но у самого здания старого поселкового совета — длинного одноэтажного барака с покосившимся крыльцом — Егор заметил тусклый, дрожащий отблеск. Кто-то внутри жег керосинку.Он взбежал по ступенькам, рванул на себя тяжелую, обитую дерматином дверь — та оказалась не заперта — и ввалился в узкий коридор.— Стой! Стрелять буду! — раздался из полумрака хриплый старческий голос, и в темноте сухо щелкнул курок. — Свой! Егор я, с подстанции! — выдохнул парень, поднимая руки. — Не стреляй, дед!Из-за угла кабинета вышел Матвеич — местный сторож и бывший архивариус, сухонький старик с всклокоченной седой бородой, сжимавший в руках старую одностволку. Рядом с ним, прижавшись к стене, стояла фельдшерица Людмила — бледная, в накинутом поверх халата пуховике.— Дизель встал, — глухо сказал Матвеич, опуская ствол, но не выпуская ружье из рук. — И телефонная линия молчит. А с гати... Мишка-тракторист пробовал туда сунуться на «Беларусе» полчаса назад, хотел до трассы дорваться.— И что? — спросил Егор, закрывая дверь на тяжелый крюк.— Трактор стоит у самого въезда на болота. Фары горят, мотор работает. А внутри никого. Только дверь кабины выгнута наружу, будто ее изнутри чем-то выдавили, и вся панель в черной слизи. Не уйти нам. Заперли нас в Чернолучье.Людмила тихо всхлипнула, кутаясь в платок. Егор прошел в кабинет, где на столе горела старая керосиновая лампа. Вдоль стен тянулись высокие деревянные стеллажи, забитые пыльными картонными папками и подшивками газет.— Я видел одного у вагончика, — тихо сказал Егор, садясь на табурет. — Высокий, без лица. Он рукой провел — и лампочка на столбе лопнула, а дизель заглох. Что это за твари, Матвеич? Местные же знают. Вы все здесь так на меня смотрели, когда я приехал, будто я в чумной барак зашел.Старик долго молчал, глядя на пляшущий язычок пламени в лампе. Потом тяжело вздохнул, подошел к дальнему углу комнаты, отодвинул тяжелый шкаф и вытащил из-за него старый, обитый жестью сундук.— Не сказки это, парень, — глухо произнес Матвеич, откидывая крышку. — Я здесь сорок лет бумаги стерегу. Думали, все

сгорело при закрытии торфопредприятия в восемьдесят пятом, да я кое-что припрятал. Гляди.Он положил на стол толстую, перевязанную бечевкой папку из серого картона. На обложке выцветшими чернилами значилось: *«Отчет геологоразведочной партии 14. Участок Чернолучье. Секретно. 1954 год»*.Егор развязал тесемки и открыл папку. Внутри лежали пожелтевшие листы машинописного текста, кальки с картами болот и несколько черно-белых фотографий, уже подернутых рыжими пятнами времени.— В пятьдесят четвертом здесь искали не торф, — сказал старик, тыкая узловатым пальцем в карту. — Глубокое бурение вели. На глубине сорока метров, под слоем вечного ила и синей глины, наткнулись на пустоту. Огромную полость, выложенную не камнем — какой-то черной, гладкой породой, похожей на стекло. Приборы там с ума сходили: стрелки компасов крутились как бешеные, а лампы в шахте гасли сами по себе.Егор вчитался в выцветшие строки отчета:*«...При вскрытии нижнего горизонта в забое 3 зафиксирован выброс холодного газа без запаха. Рабочие жаловались на звон в ушах и ощущение чужого присутствия. На третьи сутки из шурфа поднялось нечто, не поддающееся описанию...»*Парень перевернул страницу и замер. На приклеенном к листу фотоснимке была запечатлена группа геологов в ватниках у деревянной буровой вышки. А позади них, в густом тумане на краю карьера, стояла та самая высокая, нелепо худая фигура с длинными руками и гладким белым пятном вместо лица.— Они тогда залили тот шурф бетоном, — прошептал Матвеич, понизив голос. — Десятки тонн вбухали, взорвали подъездные пути, а карьер затопили, отведя воду из черного ручья. Думали, похоронили навсегда. А в этом году...— В этом году подрядчики из района приехали, — перебил его Егор, чувствуя, как по спине ползет холодный пот. — Сказали, будут старый карьер осушать, чтобы новый торфяник разработать. Две недели назад они подорвали старую дамбу.— Вода ушла, — кивнул старик. — И бетон за семьдесят лет в кислой торфяной воде раскрошился в труху. Они выпустили их наружу. В отчете написано: эти твари питаются не мясом, парень. Они жрут тепло и электричество. Все, что движется, светится или дышит. Потому и дизель твой встал, и машины на гати глохнут. Пока в поселке есть хоть одна живая душа или искра огня — они не уйдут.Не успел старик договорить, как керосиновая лампа на столе вдруг зашипела. Пламя внутри стекла сжалось в крошечную синюю точку, задрожало — и погасло, хотя керосина в резервуаре было еще наполовину.В кабинете мгновенно стало ледяным. Изо рта повалил густой белый пар.А за заколоченным досками окном раздался знакомый, мерный, неторопливый стук. Тук. Пауза. Тук. Прямо по стеклу, в сантиметре от их голов.***

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.